

*Кошкин А. П. – докт. полит. наук, профессор
160957@mail.ru*

*Мельков С.А.– докт. полит. наук, профессор
304304@mail.ru*

**Монография политического институционалиста:
конструктивно-критическая рецензия**

Авторам данной научной статьи несколько ранее уже довелось писать рецензию на предыдущую (по времени опубликования) научную монографию В.К. Белозёрова «Политический феномен военной деятельности» [2]. И в ней мы уже ранее отмечали, что этот автор берётся в своих научных изысканиях за очень сложные философско-политологические темы [3], имея на это научную смелость и где то даже дерзость. Одной из таких крайне неоднозначных и практически неразработанных в современной гуманитарной науке тем (в Философии, Политологии, Социологии) является анализ политического института вообще, и в частности – политического института руководства вооруженными силами. Именно этой тематике посвящена рецензируемая нами сегодня монография доцента В.К. Белозёрова из Московского государственного лингвистического университета [1].

Кратко далее отметим несколько важных моментов, характеризующих **актуальность темы** данного монографического исследования В.К. Белозёрова для политической науки и современной социально-политической практики.

Во-первых, изучать вооруженные силы в качестве научного объекта (объекта научного исследования) не только не просто, сколько очень и очень сложно. Действительно, многие стороны жизни и деятельности вооруженные силы закрыты для изучения в силу определенной степени секретности. И если наука Социология всё же получает некоторые сведения (например, от Социологического центра Вооруженных Сил Российской Федерации) о сути внутриармейских процессов, то политическая наука, к сожалению, зачастую находится на «голодном информационном пайке» (как понять, например, о чем на самом деле шла речь на той или иной Коллегии Минобороны России или служебном совещании в этом отечественном федеральном органе исполнительной власти?! Попробуйте с ходу догадаться: какой политический смысл в тех или иных управленческих заявлениях пресс-службы отечественного Минобороны?!). Чего в этом ключе только сто́ит недавнее решение президента России о засекречивании информации о любых потерях российских Вооруженных Сил, в том числе, и в мирное время.

Во-вторых, во многих странах на сегодняшний день институт политического руководства вооруженными силами и другими силовыми структурами создан и достаточно эффективно работает. Он включает в себя, как правило, парламентский контроль, внутренние (в силовых структурах) расследования, экспертизу со стороны СМИ и институтов гражданского общества, и другие институциональные «достижения» (например, Белую книгу по обороне; отлаженные в силовых структурах связи с общественностью [4, С. 66-107]). Не случайно, полагаем, во многих странах мира количество научных исследований данного политического института исчисляется тысячами и десятками тысяч. В нашей стране таких исследований – пока десятки. Комментарии не требуются.

В-третьих, как правило, значительные бюджетные средства, выделяемые на сферу обороны, относятся к закрытым статьям бюджета. Во всяком случае, в нашей стране происходит именно так [5, С. 181-182]. Не анализируя расходование финансовых ресурсов, крайне сложно понять и содержание и качество процессов внутри вооруженных сил и внутри федерального органа исполнительной власти, который осуществляет политическое управление этой силовой структурой (мы имеем в виду Минобороны). Вроде бы в начале 2000-х годов были приняты несколько федеральных целевых программ в интересах Минобороны, однако сегодня вряд ли кто то станет утверждать, что проектное управление стало нормой для этого федерального органа исполнительной власти.

В-четвертых, до сих пор у политического руководства России, как представляется, нет ясного понимания: по какой модели будет выстраиваться политическое руководство, то есть, отношения власти и отечественных вооруженных сил? Будет ли это так называемый демократический вариант с парламентским контролем и определенной самостоятельностью СМИ или это будет авторитарно-тоталитарный вариант, когда сфера обороны целенаправленно публично выключится из публичного пространства? Или будет продолжен поиск комбинированного (если он, конечно, вообще возможен) варианта? Должны ли гражданские лица – политики – быть интегрированы в политическое руководство вооруженными силами или военнослужащие («люди в погонах») будут управлять сами собой? Ответов на эти вопросы, к сожалению, пока нет.

В-пятых, все же нужно признать, что большинство российских доктринальных документов (в том числе, в сфере обороны) носит недостаточно инструментальный характер, их очень сложно использовать органам военного управления, а также в системе государственного и муниципального управления [6, С. 226]. Кстати, В.К. Белозёров в своих научных статьях уже неоднократно об этом писал (далее процитируем его): «На исходе 2015 г. Владимир Путин утвердил Стратегию национальной безопасности Российской Федерации. За постсоветский период это уже 5-й доктринальный документ подобного рода ... Нас окружают?» [7, С. 10].

В-шестых, сам по себе процесс применения вооруженных сил (начиная от принятия решения на применение до заключения политических соглашений после завершения вооруженного противостояния) носит, казалось бы, исключительно политический характер. Однако в нашей стране менталитет большинства населения таков, что до сих пор многие считают, что военная сфера – это сфера деятельности исключительно «людей в погонах», а не сфера политики. И дело не только в том, что каждый из авторов этой статьи прослужил в рядах вооруженных сил более 30 лет. Мы ведь до сих пор продолжаем общаться со многими бывшими и действующими военнослужащими, с которыми нас связывают многочисленные связи и отношения. Увы, но до сих пор многие старшие офицеры и генералы, большие военные начальники и не очень большие тоже, но обязательно в погонах публично руководствуются принципом: «Дайте больше денег и не лезьте в наши дела, так как только люди в погонах – это профессионалы в военном деле».

Вышеперечисленные и некоторые другие обстоятельства актуализируют тему рецензируемого научного труда В.К. Белозёрова.

Итак, в рецензируемой монографии В.К. Белозёрова три главы. Первая называется «Теоретико-методологические основы исследования политического руководства вооруженными силами государства». Вторая глава названа «Модели института политического руководства вооруженными силами: историко-компаративистский анализ».

Третья глава называется «Концептуальные подходы к модернизации института политического руководства Вооруженными Силами Российской Федерации».

Однако мы – рецензенты – решили провести анализ этого большого по объему исследования не по логике текстуального авторского изложения, а рассматривать основные авторские новаторские идеи. Такова логика нашей дальнейшей аналитической работы в этой рецензии.

1. Для нас самой важной оказалась методологическая позиция В.К. Белозёрова, который категорически настаивает на том, что армия не может быть вне политики [1, С. 33]. Действительно, «...армия политична, ибо она народ, ибо она лучшая часть народа...» (эта мысль принадлежит представителю русской военной эмиграции Е.А. Шеллю). В своей монографии на протяжении многих страниц В.К. Белозёров доказывает объективно и субъективно существующую политичность армии, что называется, теоретически и по факту. Нас его аргументы полностью удовлетворили и мы полностью к ним присоединяемся.

Однако еще более важной мыслью В.К. Белозёрова, полагаем, следует признать его идею о том, что только отчуждение людей от власти, от властных, а потом и политических, отношений могло привести к появлению государства. Полагаем, В.К. Белозёров не случайно пишет о государствообразующей роли вооруженных формирований. Со временем «... функционирование вооруженных сил детерминировано государством, – пишет В.К. Белозёров, – как обстоятельство политической природы». То есть, вооруженные силы являются государственным институтом, создаются и содержатся государством для осуществления исключительно его политики» [1, С. 15].

2. Рассматривая политическое руководство вооруженными силами как понятие и явление, В.К. Белозёров вводит несколько важных и полезных для будущих исследований моментов:

– само по себе руководство он рассматривает как «управление управлением», и с этим, полагаем, вполне можно согласиться;

– фактически руководство В.К. Белозёров рассматривает близким к целеполаганию, и с этим мы также вполне согласны;

– В.К. Белозёров четко разводит «политических» чиновников, то есть тех, кто разрабатывает политику, и «административными» чиновниками или управленцами – теми, кто эту политику осуществляет. И с этим мы вполне согласны.

Автор рецензируемой монографии дает такое определение **политическому руководству вооруженными силами** – это **организуемая органами государственной власти специфическая деятельность, направленная на создание, подготовку и применение вооруженных сил, поддержание их в определенном состоянии в интересах достижения политических целей** [1, С. 49-50]. На наш взгляд, В.К. Белозёров справедливо считает, что главный смысл и назначение политического руководства заключается в сохранении вооруженных сил в качестве надежного инструмента государственной власти.

Как мы – авторы рецензии – относимся к такому пониманию политического руководства вооруженными силами? Отметим несколько ключевых конструктивно-критических моментов, поскольку еще в момент работы В.К. Белозёрова над текстом данной монографии уже высказывали ему своё мнение и неоднократно с ним дискутировали.

Во-первых, сведение субъектности политического руководства вооруженными силами к государственной власти фактически исключает из списка субъектов политическую элиту. Именно она стоит над государством (как аппаратом) и, следовательно, в этом случае (когда

политическая элита не рассматривается в качестве субъекта политического руководства) смысл Политического как явления (применительно к руководству вооруженными силами) исчезает. Мы понимаем, что в деятельности любого высшего органа государственной власти, при желании, можно найти Политическое. Но в то же время, на наш взгляд, неправомерно ограничивать смысл этого (Политического!) руководства инструментальностью госвласти¹.

Во-вторых, институт сам по себе – это не столько принадлежность чему-либо или кому-либо, сколько **упорядоченность** (в праве, в традициях, в культуре) тех или иных общественных отношений². Поэтому для нас – авторов рецензии – скорее, в институциональном ключе оптимальным будет понимание политического руководства вооруженными силами как **создание таких органов управления** (как внутри самих вооруженных сил, так и в системе государственного и муниципального управления), которые обеспечат выполнение практических задач, поставленных органами государственной власти, понимание целей государственной политики (как внутри вооруженных сил, так и в органах государственной власти и местного самоуправления) в самом широком контексте (в контексте национальной политики, социальной политики, политики обороны и безопасности). Мы имеем в виду Совет безопасности, Министерство обороны, Генеральный штаб и т.п.

В.К. Белозёров, конечно, всё это понимает, когда пишет: «... именно политическое руководство позволяет интегрировать воздействие институтов власти и общества на вооруженные силы, задавая направленность процессу их подготовки и применения» [1, С. 51]. В то же время политическое руководство, полагаем, позволяет упорядочить взаимодействие военных структур и структур сугубо политических (элитные группы). Мы все же полагаем, что органы государственной власти (наряду с партийными организациями и спецслужбами) являются НЕ субъектами политического руководства по отношению к вооруженным силам, зато они сами являются проводниками воли политической элиты. Как раз **наличие**, кроме органов государственной власти, других специфических структур (партийных и общественных организаций, спецслужб, средств массовой информации) в отношениях военных структур и политической элиты институционализирует волю и решения последней.

В-третьих, позволим себе частично не согласиться с рассуждениями В.К. Белозёрова относительно «... легитимации всех составляющих деятельности армейского организма». Автор рецензируемой монографии настаивает на том, что «... легитимными все составляющие этой деятельности являются постольку, поскольку инициированы и регламентированы государством» [1, С. 51]. На наш взгляд, в данном случае легитимность путается с легальностью (достаточно эти слова поменять местами в тексте монографии и мы тут же под этими словами подпишемся). Кроме того, мы настаиваем: легитимность как раз и обеспечивается (во всяком случае, в открытом обществе) не столько органами госвласти, сколько совокупностью имеющихся политико-общественных институтов, в которую также

¹ Автор рецензируемой монографии это, видимо, понимает и потому оговаривается: «... при осуществлении политического руководства вооруженными силами в ряде случаев недостаточно ограничиваться мерами сугубо административными или утилитарного характера» [1, С. 50]. На наш взгляд, администрирование, административные меры могут быть в определенной степени присущи политическому управлению, но не могут быть присущи политическому руководству.

² Профессор В.В. Волков из Санкт-Петербурга выделяет три составляющих социального института: установления или предписания; когнитивная схема, которая делает правила субъективно значимыми и понятными; видимая повторяемость [8, С. 22].

входит государство. А если этой совокупности нет, то государство (в этом мы как раз и не согласны с В.К. Белозёровым) остается в одиночку и Политическое практически исчезнет в обществе и даже во власти.

При этом мы также, как и В.К. Белозёров, можем сослаться на мнение немецкого политического философа К. Шмитта. Мы утверждаем, что когда государство (независимо от уровня управления) остается в одиночку, что называется наедине, с обществом и своими силовыми составляющими, то государство обязательно оказывается приватизированным кем-то. Об этом, в частности, в своих научных трудах пишет профессор из Санкт-Петербурга В.В. Волков: «Следует согласиться с обоснованием Манкура Олсон, который называл государство стационарным бандитом» [8, С. 38]. Поэтому утверждение о том, что государство только и думает, что о собственной легитимности (мы специально несколько утрируем подход автора рецензируемой монографии) – не выдерживает критики. Приватизировавшие его группы, как правило, заняты поиском и получением ренты [9, С. 144, 150-153].

В монографии В.К. Белозёров определяет основные принципы политического руководства вооруженными силами государства. Среди них:

- примат политики, верховенство и доминирование политической власти;
- соответствие организации особенностям политической системы общества;
- профессионализм и компетентность;
- контроль со стороны государственной власти и гражданского общества.

Нам – авторам данной рецензии – эти принципы политического руководства вооруженными силами государства понятны и мы их полностью поддерживаем. Вместе с тем, подчеркнем, что мы в качестве принципов политического управления вооруженными силами государства можем сформулировать несколько важных положений (в дополнении к тем, что сформулировал в своей монографии В.К. Белозёров):

- ценностный характер политического руководства вооруженными силами государства не только соответствует национальному ценностному коду³ (мы так называем ключевой набор ценностей граждан, общества и власти), но и в значительной степени его формирует (обоснование этого принципа приводить здесь не будем);

- мы все же настаиваем на том, что основным принципом политического руководства вооруженными силами государства является цель сплочения нации в единый организм. Мы ведем речь не о тоталитаризме, и не о патриотизме, сколько о ясной и понятной для нации цели национального развития.

Полностью новой для нас – авторов рецензии – оказалась 2-я глава рецензируемой монографии. Действительно, автор замахнулся на проведение историко-компаративистского анализа различных моделей института политического руководства вооруженными силами. И это ему удалось. Далее кратко обозначим наиболее интересные ключевые моменты 2-й главы рецензируемой монографии.

Автор рецензируемой монографии сформулировал несколько особенностей, присущих институту политического руководства вооруженными силами в условиях президентской республики (на примере США).

³ Несколько в ином ключе, но весьма подробно В.К. Белозёров ведет речь об этом в 1-м параграфе 3-й главы рецензируемой монографии.

Затем автор рецензируемой монографии сформулировал несколько особенностей, присущих институту политического руководства вооруженными силами в условиях парламентской республики (на примере ФРГ).

Кроме того, автор рецензируемой монографии сформулировал несколько особенностей, присущих институту политического руководства вооруженными силами в КНР.

И в последнем параграфе 2-й главы В.К. Белозёров рассматривает отечественный опыт институционализации политического руководства вооруженными силами:

- постоянный учет возможности вооруженного вторжения, угроза которого присутствовала практически постоянно [1, С. 219]. Нам это понятно и мы с этим согласны;
- в нашей стране долгое время не происходило полное разделение мирных и военных трудовых функций (то есть, экономика носила государственно-мобилизационный характер);
- в обществе очень сильна идея защиты родной земли и ее единства;
- практика создания в ходе войны или наличия ее угрозы воинских формирований по инициативе самих народных масс;
- патернализм: постоянная ориентация массового сознания на сильную государственную власть.

Во многих местах В.К. Белозёров пишет о сильном отечественном механизме духовного воспроизводства населения [1, С. 226]. По всей видимости, имеется в виду умение большинства населения подчинить свои частные интересы интересам общим. По мнению авторов рецензии, эту способность многих россиян следует рассматривать не только как силу (а в военное время, как и в предвоенный период – это, безусловно, сила). Однако во время нормального развития, когда следует демонстрировать, скорее экономические, а не военные успехи, эта духовность, пожалуй, является минусом, а не плюсом для развития страны.

Завершая свой очень краткий ретроспективный анализ этой научной монографии В.К. Белозёрова [1], отметим, что использовать ее можно при изучении многих учебных дисциплин в российских вузах. Таких, например, как «Национальная безопасность», «Военная безопасность», «Общественная безопасность», «Региональная безопасность», «Политология», «Политический процесс, управление и регулирование». Рекомендуем монографию В.К. Белозёрова «Политическое руководство Вооруженными Силами Российской Федерации: институциональное измерение» для изучения политологам, социологам и управленцам. На наш взгляд, данная монография может быть весьма полезной российским офицерам, получающим второе и последующее высшие образования в военных академиях.

В очередной раз подчеркнем, что важным научным «достижением» В.К. Белозёрова мы считаем выход в своем анализе на многочисленные институциональные проблемы. Действительно, современному политологу трудно, если вообще возможно, не быть институционалистом. Авторы данной рецензии планируют в дальнейшем рецензировать и другие крупные научные работы В.К. Белозёрова, которых, мы искренне верим, будет в будущем немало.

Литература:

1. Белозёров В.К. Политическое руководство Вооруженными Силами Российской Федерации: институциональное измерение: Монография. – М.: Издательский Дом «АТИСО», 2011. – 376 с.
2. Белозёров В.К. Политический феномен военной деятельности: Монография. – М.: Издательский Дом «АТИСО», 2009. – 392 с.
3. Кошкин А.П., Мельков С.А. Серьезный разговор о политическом феномене: исследование военной деятельности актуально как никогда [Электронный ресурс] // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2016. № 4 [сайт] [2012]. URL: http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/18number/articles18/Mel'kov_Koshkin_18.pdf (дата обращения: 09.02.2017).
4. Лаврентьев А.В. Гражданский контроль над вооруженными силами и разведывательными службами в США (по американским источникам). – М.: Изд-во МГОУ, 2005. – 140 с.
5. Мельков С.А. Какой контроль над армией оптимален для России? // Общество и безопасность: история, перспективы эволюции, современное состояние: Межвузовский сборник научных статей. Вып. 3 / под ред. Н.П. Шебанова. – Саратов: СВРХБЗ, 2007. – С. 177-185.
6. Мельков С.А. Новая военная доктрина России: нужна власти или военным? // Общество и безопасность: история, перспективы эволюции, современное состояние: Межвузовский сборник научных статей. Вып. 4 / под ред. Н.П. Шебанова. – Саратов: СВРХБЗ, 2008. – С. 222-227.
7. Белозёров В.К. От стратегии национальной безопасности к глобальному перспективному стратегическому проектированию // Власть. 2016. № 7. – С. 10-17.
8. Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 352 с.
9. Таллок Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты / пер. с англ. Л. Гончаровой. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 224 с.